

МАНДЕЛЬШТАМОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО 2004/1
(внеочередное)**

**ПАМЯТИ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА
АВЕРИНЦЕВА**

На 67-м году жизни скончался выдающийся русский ученый, культуролог, литературовед и переводчик Сергей Сергеевич Аверинцев.

Он родился 10 декабря 1937 года в Москве, поздним ребенком в профессорской семье (и отец, и мать были биологами). В 1961 году окончил классическое отделение филологического факультета МГУ, где в 1967-м по теме «Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра» защитил кандидатскую диссертацию (отмеченная премией Ленинского комсомола в 1968 году, она была опубликована в 1973). На время работы в 1965—1971 гг. в Институте истории искусств в Козицком переулке пришлось такие работы как «Культурология Иоганна Хёйзинги» (1969), а также серия блестящих и новаторских статей для четвертого и пятого томов «Философской энциклопедии» (1967 и 1970), и среди них «Новый Завет», «Теизм», «Теократия», «Христианство», «Эсхатология» и мн. др.

В 1971—1991 гг. С.С.Аверинцев работал в Институте мировой литературы АН СССР, где в течение ряда лет заведовал отделом античной литературы. В этот период были написаны монографии «Поэтика ранневизантийской литературы» (1977, переиздана в 1997) и «Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье» (1986), главы в коллективных трудах по истории Византии, «Истории всемирной литературы», концептуальные статьи «К истолкованию символики мифа об Эдипе» (1972), «На перекрестке литературных традиций» (1973), «Судьбы европейской традиции в эпоху перехода от античности к средневековью» (1976), «Поэтика ранневизантийской литературы» (1977); «Культура Византии IV— первой половины VII века» (1984); «От берегов Босфора до берегов Евфрата» (1987), «Бахтин. Смех. Христианская культура» (1988), «Попытки объясниться: беседы о культуре» (1988), «Византия и Русь: два типа духовности» (1988), «Морфология культуры» Освальда Шпенглера» (1991), «Культура и религия» (1991), «Христианство и культура в Европе» (1992) и др. В статьях поражали не только широта и энциклопедизм знаний, но и самый их тон и непривычный для таких тем свободный, художественный стиль. Не прерывалась и работа над энциклопедическими изданиями, причем и здесь многие статьи Аверинцева, как бы вопреки жанру, носили характер не традиционных сухих и суммирующих сводок, а оригинальных историко-литературных и теоретических открытий, как, например, статья «Филология» в Краткой литературной энциклопедии, (т. 7, М., 1978) или статьи «Архетипы» и «Христианство» в энциклопедии «Мифы народов мира» (М., 1987—1988). В 1981 году книга «Поэтика ранневизантийской литературы» была защищена в качестве докторской диссертации, однако выход на Западе в том же году сборника статей «Религия и литература» никак не прибавил ученому любви начальства. В это же 20-летие обозначился глубокий исследовательский интерес Аверинцева к русской поэзии, отразившийся в серии статей и подготовке изданий Вяч.Иванова (1978), Г.Державина (1985) и В.Жуковского (1985). Концом 1980-х датируется и начало систематических занятий творчеством О.Мандельштама, также воплотившееся в знаковое издание — «черный» худлитовский двухтомник (1990). На волне горбачевской перестройки и гласности С.С.Аверинцев был избран членом-корреспондентом АН СССР (РАН) по Отделению литературы и языка (23 декабря 1987).

В 1985 году С.С.Аверинцев был принят в Союз писателей СССР. В начале 1990-х гг. его избирают президентом Ассоциации культурологов и Библейского общества (1990—1991), а в январе 1991 года — председателем международного Мандельштамовского общества.

В декабре 1991 года Аверинцев перешел в МГУ, где он заведовал отделением Института истории мировой культуры и преподавал на философском факультете. В 1990-е годы тесно сотрудничал с РГГУ, в частности, с Институтом высших гуманитарных исследований и по линии Мандельштамовского общества, бессменным председателем которого он являлся. Это было время активнейших занятий Аверинцева исторической поэтикой и русской поэзией (Вяч.

Иванов, О. Манделъштам, А.С.Пушкин — в сопоставлении с Гёте). Одна за другой выходят многочисленные статьи и книги ученого — «Риторика и истоки европейской литературной традиции» (1996), «Поэты» (1996), «София-Логос» (1999; 2001), «От слова к смыслу» (2001), «„Скворещиц вольный гражданин“». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами» (2001) и мн. др.

Начиная с декабря 1994 года, работу в Москве Сергей Аверинцев совмещал с профессурой в Институте славистики Венского университета.

Сводную библиографию С.С.Аверинцева еще предстоит составить, но ее самая приблизительная оценка указывает как минимум на 650 наименований. Основные направления его научных исследований — история позднеантичной, раннехристианской, византийской, европейской и русской культур и литератур, история богословской и философской мысли, христианская традиция в европейской мысли и литературе, новозаветная литература на фоне позднеантичной культуры, патристика, средневековая христианская гимнография и агиография, византийская литература и философия, схоластика, историческая поэтика, немецкая литература романтизма (К. Brentano) и неоромантизма (Г. Трагль, Г. Гессе).

Характерными для научного стиля Аверинцева были отталкивание «от текста» в сочетании с острой литературно-критической аналитичностью и поистине ренессансной эрудицией, а также подчеркнутое внимание к проблемам взаимодействия различных культур и религий. По замечанию А.Ф.Лосева, Аверинцев акцентирует в составе гуманитарного знания момент человеческого понимания, не сводимого ни к субъективно эстетическому чувству, ни к рационалистическому исчислению. При этом объект анализа берется в перспективе современной духовной ориентации, постигается внутри ситуации диалога исследователя с автором; литературное слово истолковывается как человеческий жест, а стиль — как жизненная установка.

С.С.Аверинцев — автор многочисленных переводов древних (с древнегреческого, латинского, древнееврейского и сирийского языков) и современных авторов (с немецкого, французского и польского языков). Особо выделим его переводы трех евангелистов, а также Каллимаха, Платона, Плутарха, Гельдерлина, Гессе, Трагля и Бенна.

Начиная с 1980-х годов, С.С.Аверинцев писал и собственные духовные стихи, ориентирующиеся на европейский фольклор и поэзию («Стихи духовные», 2001), а в последние годы — шуточные и иронические стихи.

Востребованность С.С.Аверинцева и за рамками обширной и непрерывной научной работы оказалась настолько значительной и многосторонней, что его общественная деятельность с трудом поддается учету. Характерными представляются слова Г. Явлинского, высказанные в связи с 65-летием Аверинцева и намекающие на его депутатство в Верховном Совете СССР первого созыва (1989—1991), куда его избрали от Академии наук СССР: «Гуманитарные науки, филология особенно, редко оказываются в центре внимания общественной мысли. К счастью для гуманитарной мысли и к несчастью общественной. Иногда случаются совпадения, и в самые переломные моменты истории даже такой сугубо академический человек, как Вы, оказывается в эпицентре политики. Тогда сложилась неплохая компания. «Теперь не то». Проиграла ли от этого политика — Бог знает, но наука выиграла. Быть Вашим соотечественником и современником — большая честь»

В разное время С.С.Аверинцев являлся членом попечительских советов АО «Общественное российское телевидение» (с 1994) и Свято-Филаретовского православно-христианского института, входил в состав редколлегий или общественных советов издательства «Большая Российская энциклопедия» (с 1996), а также многочисленных периодических изданий — «Альфа и Омега» (с 1994), «Вестник древней истории», «Вестник

Русского христианского движения», «Знамя», «Иностранная литература», «Литературная Газета» (1990—1997), «Наше наследие», «Независимая газета», «Новая Европа», «Новый мир» (с 1996), «Православная община», «Родина», «Символ» (Париж), «Человек», «Arbog mundi. Мировое древо» и др. Отдавая себе отчет в том положительном заряде, который несло и придавало той или иной инициативе уже одно его имя, Аверинцев редко отказывал в такого рода виртуальной поддержке многообразным проектам, если находил их хорошими.

Научная и общественная деятельность Сергея Сергеевича нашли поистине мировое признание. Он являлся членом Европейской академии (Academia Europaea, 1991), Всемирной академии культуры (Academie universelle des cultures, 1992), Папской академии общественных наук (1992), Национальной академии Украины (2000), почетным доктором Scientiarum Ecclesiasticarum Папского Восточного института в Риме (1992), Киево-Могилянской Академии в Киеве (1998), Софийского университета (1998) и Европейского университета в Минске (2000), членом Международного общества о. Павла Флоренского.

Лауреат премии Ленинского комсомола (1968), Государственной премии СССР (1990), премии «Триумф» (1992), Государственной премии Российской Федерации (1996), премии журнала «Новый Мир» (1999), а также международной премии имени Леопольда Лукаса (1995), присуждаемой Тюбингенским университетом за усилия, направленные на сближение народов и культур, и премии «За диалог между культурными вселенными», присужденной в 2001 Фондом Джованни Аньелли (Турин) за заслуги в утверждении ценностей демократии и правового государства в современной России.

Сергей Аверинцев охотно и часто читал лекции и выступал с докладами во многих российских и зарубежных аудиториях. Еще в советское время, в трудные 60-е — 80-е годы на них ходило множество людей, подчас, не имевших отношения к философии или к филологии: ими двигало не только желание узнать что-то новое и интересное, но еще и потребность удостовериться в том, что внутренне свободная интеллектуальная мысль существует вживе.

И в этом смысле Сергей Аверинцев был не просто блестящим представителем российской культурной традиции и интеллектуалом мирового класса, но и настоящим духовным лидером советской и российской интеллигенции. Отца Александра Меня он называл «миссионером для племени интеллигентов». Самого же Сергея Аверинцева можно было бы назвать одним из вождей этого ныне вымирающего племени, но только не в организационном, а в высшем плане — плане интеллектуальной, подлинно духовной самостоятельности и состоятельности.

В последние годы круг интересов Сергея Аверинцева, как это ни удивительно, еще более расширился. Он интересовался вопросами семьи и воспитания и находил, что то, с чем сейчас человечество столкнулось, есть кризис культуры как системы воспитания (буквально — культивирования, «возделывания») ума, души, духа. Постмодернистский подход к культуре как к некой совокупной продукции искусства, науки, философии и т.п. он решительно отвергал и с большой тревогой рассуждал о пирровой победе современного постмодернизма. Он полагал, что любое конкретное событие, даже такого масштаба, как террористические акты 11 сентября, обязательно нуждается в осмыслении, в рефлексии, но такой, чтобы определенность не переходила в упрощение, а чуткость к нюансам в релятивизм.

В конце мая 2003 Сергей Сергеевич был избран действительным членом Российской академии наук, но этой новости фактически не узнал. 3 мая, в Риме, где он был на конференции «Италия и Петербург», с ним случился обширный инфаркт, и он впал в кому. Последние девять месяцев — балансируя на границе жизни и смерти — он провел в больницах Рима, Инсбрука и Вены (в январе его перевели из больницы домой). Состояние оставалось относительно стабильным, что давало призрачную, но надежду. Все это время, как и во все времена, с ним рядом была жена, Наталья Петровна, мужественно и подвизнически — и в то же время «с легкой душой» — переносившая все нравственные и физические тяготы ухода за тяжело

больным мужем.

21 февраля 2004 года, около 10 часов вечера, в Вене, хрупкая граница между жизнью и смертью оказалась перейденной, и Сергея Сергеевича Аверинцева не стало.

24 февраля в Никольском православном храме г.Вены прошла панихида по Сергею Сергеевичу Аверинцеву (телеграмму соболезнования прислал Патриарх), а 4 марта состоится кремация. Урна с прахом ученого, согласно его завещанию, будет перевезена в Москву и захоронена на Даниловском кладбище.

Павел Нерлер

Postscriptum

...Этот скрипучий, этот ни на чей другой не похожий голос, это коронное «Вы знаете...», с которого начиналась едва ли не каждая его фраза в диалоге, да и сами эти фразы, начиная которые, говоривший решительно не знал, куда уведет их дыханье мысли и где приземлится последний причастный или деепричастный оборот, — всего этого уже больше не будет. Сергея Сергеевича Аверинцева нет в живых.

Казалось бы, за свои короткие 67 лет он сделал так много! Но на самом деле — еще больше, ибо далеко не все попадало в печать.

Для иллюстрации — высказывание Аверинцева о Мильтоне, Мерике и об их переводчице Аркадии Штейнберге. Вот что я записал на Пригласительном билете на творческий вечер Аркадия Акимовича в ЦДЛ 17 февраля 1984 г.:

Из выступления Аверинцева: «В переводе Мильтона спасено то, что труднее всего спасти, — торжественная предпраздничность, блеск и слава еще не оскверненного мира. Психологию сатаны, психологию падаших передать прощя. Тот праздник, который создал Мильтон, повторился в русском стихе — то самое, что утекает между пальцами.

На все это есть только один ответ — который оказался столь труден для Сатаны: сказать „спасибо“».

О переводе из Мерике: «к кому обращается поэт? К себе, отроку, — с чувством того, что книга, которую он создал, так нужна была ему в отрочестве, но ее, увы, не было. А всему остальному лучше бы не возникнуть».

Восхищает не только аверинцевский диапазон, восхищают тот блеск, с которым он владел, и та щедрость, с которой распоряжался, — своим интеллектуальным богатством. Поистине дышать и мыслить было для него единым, практически слитным занятием.

...Нашей последнею встречей стал мандельштамовский вечер в Копелевском Форуме в Кельне 29 октября 2002 года. В своем слове Аверинцев говорил, что Мандельштам не был ни культуртрегером, ни эрудитом. Когда, подразумевая акмеизм, он говорил о «тоске по мировой культуре», то это была именно тоска, а не, скажем, обладание или владение ею. Его знания не

были безграничными или систематическими, — они были прежде всего неожиданными, как, впрочем, и пробелы в его знаниях. Но даже умница и эрудит Ходасевич, обронивший однажды: «Мандельштам глуп», — так и не смог подняться до озарений мандельштамовского уровня. Оттого-то «встреча» Мандельштама с Эвальдом-Кристианом Клейстом, мало кому известным и в самой Германии, стала не только возможной, но еще и естественной и плодотворной, обернувшись таким шедевром как «К немецкой речи».

Кажется, первым Аверинцев обратил тогда внимание на связь немецкой темы у Мандельштама с его реальным «путешествием в Армению», увенчанным встречей с реальным Борисом Сергеевичем Кузиным, тоже не-классиком (это о нем сказано в стихотворении «К немецкой речи»: «Я дружбой был, как выстрелом разбужен...»).

Под конец Сергей Сергеевич прочел стихотворения «Чуть мерцает призрачная сцена...», «За гремучую доблесть грядущих веков...» и «К пустой земле неволью припадая».

Последнее, как известно, посвящено Наталье Штемпель, близкому и едва ли не единственному другу четы Мандельштамов в воронежской ссылке. Однажды он был поражен звонком Надежды Яковлевны Мандельштам, буднично сказавшей: «А завтра ко мне приезжает воронежская Наташа». Для Аверинцева же это прозвучало, как если бы было сообщено о приезде Лауры или Беатриче.

...В Кельне Сергей Сергеевич был бодр и в хорошем расположении духа: много шутил, с удовольствием дал интервью журналисту, забывшему, как оказалось, включить диктофон на «запись». Расставаясь, мы, по традиции, говорили о Мандельштамовской энциклопедии. Работа над ней разгоралась, и за Аверинцевым, кроме нескольких тематических, оставалась огромная вступительная статья на тему «Мандельштам и мировая культура» — ни больше и ни меньше. Кто же, если не он? И когда же, если не теперь?..

А вот никогда.

П.Н.

X X X X X

Скончался Сергей Сергеевич Аверинцев, академик Российской Академии Наук, филолог, историк, культуролог, переводчик с греческого, сирийского и еврейского, поэт и очень хороший человек.

Его последней большой работой был перевод и комментарий синоптических Евангелий...

Михаил Гаспаров

Х Х Х Х Х

Передо мной пожелтевший от времени экземпляр маленькой, но легендарной книжки — «Плутарх и античная биография». Тридцать с лишним лет назад она получила премию организации, о которой теперь мало кто вспоминает — премию Ленинского комсомола — и сделалась знаменитой, сделалась событием. О нём не могли забыть много лет, настолько тема книжки и личность её автора были далеки от всего, что хоть как-нибудь было связано с Ленинским комсомолом. Автор книги не состоял не только в комсомольской, но, кажется, и в пионерской организации, что для человека, родившегося в чёрно-памятном 1937 году, было совсем уже странно и необычно.

Но это был особенный человек и особая биография.

Многие смогут рассказать об этом лучше и подробней меня. Я же прочту дарственную надпись на экземпляре: «Дорогой и многоуважаемой Надежде Яковлевне эту ненужную книжку с рожей на обложке с поклоном кладет в руки С.А.», — Серёжа Аверинцев, как называла его Н.Я.

На обложке, в неровном округлом медальоне, действительно, резкий стилизованный воинственный профиль, увенчанный лавровым венком, — скорее Данте или Тассо, чем тот провинциальный Плутарх, многовековой учитель европейского юношества, которого вновь открыл тысячам русских читателей Сергей Сергеевич Аверинцев.

Книжка имеет ещё и почтительное посвящение: «Моей матери, Наталии Васильевне Аверинцевой...»

Вот вместе с Наталией Васильевной я и увидел впервые Сергея Сергеевича в доме Н.Я. — не на кухне, а в единственной комнате, и Н.Я. не лежала, а сидела на своей тахте, в «парадном» платье, закинув нога за ногу, с папиросой в руке и с пепельницей поблизости. Наталья Васильевна сидела в единственном кресле, а Серёжа примостился на принесённой из кухни табуретке. Я принёс себе вторую и пристроился в уголке. Это был парадный приём: Сергей Сергеевич настолько почтительно относился к своей маме, а Н.Я. так ценила и любила своего Серёжу, что не могла позволить себе принимать их на кухне, где обычно размещались её посетители.

Потом Сергей Сергеевич приходил с женой Наташей, и Н.Я. всё стремилась что-нибудь ей подарить...

А потом Н.Я. умерла, и на её похоронах между Сергеем Сергеевичем и отцом Александром Менем произошёл краткий обмен знаменитыми репликами про «ёжиков» ...

Так что для меня и для многих вокруг Н.Я. Сергей Сергеевич, античник, медиевист, поклонник и исследователь творчества Вячеслава Иванова — а этого поэта Н.Я., как известно, откровенно не любила нелюбовью, унаследованной от Анны Андреевны Ахматовой — был настолько привычно связан с мандельштамовским ореолом, что я совсем не удивился его занятиям мандельштамоведением с конца 80 годов.

В ходе первой попытки академического мандельштамовского академического проекта мне случилось по организационным делам несколько раз разговаривать с Сергеем Сергеевичем, и, право, даже я, при моей удачливости на начальников, не могу припомнить руководителя менее обременительного, чем Сергей Сергеевич. И все эти тридцать с лишним лет он «всегда

был», как сказала когда-то Н.Я. про Анну Андреевну.

И была, хотя всё реже и реже, возможность послушать его выступления — взволнованные, вдохновенные и всегда открывающие новое, и чтение его собственных стихов или новых переводов Давидовых псалмов или услышать, как венские студенты боятся сдавать ему экзамен — ему, в моём представлении абсолютно неспособному кого-нибудь обидеть...

Знали, что он много болел и мужественно переносил и преодолевал болезни.

Казалось, одолеет и эту.

Он был всегда нужен не только его близким, его друзьям, но и нам, его современникам, людям, которым посчастливилось издалека слышать, изредка с ним общаться — нужен как человек, как учёный, как имя, как легенда...

Таким он и останется навсегда в наших сердцах.

Юрий Фрейдин.

X X X X X

Наше общее чувство сиротства — двойное: ушел, скажем прямо, большой, незаменимый человек, а для многих их нас и незаменимый друг. Среди прочих даров, Сергей Сергеевич обладал и редким даром дружбы.

Пытаясь определить значение Сергея Сергеевича в русской культуре, я говорил себе: он вроде бы Жуковский наших дней! С той разницей, что Жуковский стоял у колыбели русской культуры, а Аверинцеву суждено было преодолеть ужасающее безвременье, когда культуру сознательно разрушали. К Жуковскому Аверинцев питал особую любовь, писал о нем, чувствовал с ним родство. И не только потому, что оба исключительные поэты-переводчики, их объединяла через поколения христианская вера, о которой они свидетельствовали и жизнью своей и словом.

Большой ученый, библеист, патролог, тонкий литературовед, поэт возродивший традицию духовных стихов, Аверинцев предстоит перед моим взором не в меньшей мере как смиренный ученик и яркий свидетель Христа. Лучи веры освещали все его творчество.

Встреч у нас с ним было много — в Париже, Москве, Лондоне, Бергамо, на разных конференциях, но почти всегда под сенью Церкви. Так было в сентябре 2002 на конференции о семье в Киевопечерской Лавре. Мы жили с ним и с Натальей Петровной в соседних комнатах лаврской гостиницы и общались непрерывно. Незабываема совместная воскресная поездка в сельский приход о.Филарета под Киевом, где мы с ним, один после другого, читали перед литургией службу «часов». И в те же дни имело место его триумфальное выступление в Киево-Могилянской Академии о «языке Библии», когда по окончании лекции тысячная толпа, в основном студентов, без устали ему рукоплескала.

Или последняя встреча в Париже, в марте того же года, — в связи с конференцией о

поэзии в Сорбонне— мы общались после службы во дворе Александро-Невского собора, когда вдруг, без предупреждения, Сергей Сергеевич стал читать «Отче наш» наизусть по-арамейски — и кому? — нашей полуторогодовалой внучке!.. Большой ученый со светлой, детской душой:

«Поистине, как голубь чист и цел
Он духом был, хоть мудрости змеиной
Не презирал, понять ее умел —
Но веял в нем дух чисто голубиный»,

— как сказал о Жуковском Тютчев.

Никита Струве

Х Х Х Х Х

Для меня, плохо и мало знавшего Сергея Сергеевича, главным в его человеческом облике было обаяние. Решусь ли сказать — *чуть кокетливое* обаяние. И артистизм. Он мог в первый день конференции подарить вам оттиск своей статьи, а на фуршете, в последний день, — преподнести другой оттиск этой статьи еще раз. Или же — так увлечься текстом на экране монитора, что в буквальном смысле забыть про ваше присутствие, и, вот, вам приходится два-три раза робко похекать в кулак, напоминая о себе хозяину комнаты.

Вместе с тем, Аверинцев абсолютно не был похож на эдакого горе-профессора, излюбленного персонажа кинофильмов 30-х годов, что-то такое распевающего на пару с артисткой Орловой. Лучшее тому доказательство — богословские статьи Сергея Сергеевича (но, разумеется, не только его богословские статьи), всегда отличавшиеся редкостным трезвомыслием и полным отсутствием взвинченной экзальтации.

Патентованным добряком Аверинцев тоже не был. Думаю, не мне одному приходилось видеть его в сильном раздражении, а мои друзья, как одно из самых сильных впечатлений памятной ночи страшного октября 1993, вспоминают характерный, высокий голос Сергея Сергеевича, льющийся из динамика на площади у Моссовета. Аверинцев тогда взволнованно говорил о людях, которые перестали быть людьми и о трудной необходимости сообща отстаивать дарованные нам демократические ценности (а в это время бывшие герои «Взгляда» из телевизора убеждали москвичей «сидеть дома и не обращать внимания»).

И еще одно воспоминание. Года четыре назад в ЦДЛ состоялся замечательный вечер памяти Мандельштама, в рамках которого самые разные поэты читали мандельштамовские стихи. В конце устроители поставили пластинку с авторским исполнением стихотворения «Я буду метаться по табору улицы темной...». Выходя из зала, я столкнулся с Ю.И.Левиным, и он сказал: «Было интересно, но лучше всех читали два человека. Осип Эмильевич и Сергей Сергеевич». По-моему, он был прав.

Олег Лекманов

Х Х Х Х Х

Когда в начале девяностых узнала, что Аверинцев смертельно болен, показалось, рухнула стена дома, и жилище открыто непогоде. Он замолчал на много месяцев прежде, чем на днях его не стало, и его начали забывать на родине за много лет до его скорбной кончины. Спасибо ласковой Вене, она продлила дни Сергея Сергеевича. А нам придется жить без оглядки на него.

Это и есть самое страшное. Написанное не погибнет, не опубликованное опубликуют, он не прожил в безвестности, гонениях и неосуществленности, как многие дарования в России. Можно сказать, «взирая на конец», как учил мудрец Солон, что это была в целом хорошая жизнь. Рассказывать в некрологе, что он сделал? О, очень много!

Но для меня не в этом дело, а дело в его роли духовной, интеллектуальной, «воспитательной», которая уникальна. Я могу сказать о своем поколении, кто студентами ходил на его лекции еще в старом университете, на Моховой. Сотни молодых людей в битком набитой аудитории, которым запонадобилась вдруг «античная эстетика», «византийская эстетика»... Важнее всех мыслей, которые и теперь можно прочесть в его книгах, в этих лекциях был их автор, человек, который показывал, что мысль — это наслаждение и радость, и чужая и своя. И потому был свободен. Пока он стоял на кафедре с характерным памятным жестом — острые локти вниз, а руки вскинута вверх — он был свободен. В этом, в своеобразии его облика со сложенными крыльями плеч, и в голосе, который попробуй опиши, но узнаешь с первого звука, — было больше несоветскости, чем в предмете годами шедшего разговора о немецкой философии, или о Библии, или о патристике. Да, Аверинцев «выступал» больше, чем обычно это делают ученые.

Он был проповедник любви к словесности. Очень важно, что круг его интересов и исследований был так широк. Аверинцев говорил обо всей европейской и средиземноморской культуре, включающей сирийцев, ромеев, евреев и коптов. Он был патриотом обширнейшей духовной родины. Узости не было в нем, эскизность была, *laissez faire*, да, но и открытость иному. Я впитала его ранние статьи («ранние» больше для меня, их, тогда семнадцатилетнего, читателя) до такой степени, что когда открыла их сравнительно недавно, обнаружила, что не помню ничего, но каждое слово и даже интонация вошли в состав моего собственного «экспертного вещества», того состава, на фоне которого происходит всякое восприятие и дается внутренняя оценка.

Он прочел когда-то мою курсовую работу. И первую статью. Надо ли говорить, что всю жизнь, что бы я ни писала, я внутренне оглядывалась на нескольких самых главных потенциальных читателей, и С. С. Аверинцев всегда был среди них? Написанное Аверинцевым мы не потеряли, но мы потеряли великого русского читателя, присутствие которого уже задает планку, ниже которой просто никак невозможно. «Нет у них, и все разрешено». Так не хочется быть брюзгой и собственный закат объявлять закатом Европы. Но состоявшихся еще при прежнем режиме несколько десятков ИМЕН, заменить нечем.

Что клясться, что «мы» его не забудем? Эти «мы», которые поймут меня, помнят Аверинцева, и когда о нем не думают.

Нина Брагинская

Х Х Х Х Х

Мне невыносимо горько думать о том, что наши встречи с Сергеем Сергеевичем здесь, на земле, кончились. Что следующей встречи — в Москве, в Вене, в Риме, в Париже или в Тюбингене (это места, где нам приходилось бывать вместе в последние годы) — уже никогда не будет.* Мне также горько, совсем невыносимо знать, что больше не придется прочесть ничего нового, написанного Аверинцевым. Никто не писал до него и не напишет после ничего похожего, о чем бы не шла речь в каждом случае — о переводах Жуковского или о Ефреме Сирине, о происхождении формы акафиста или о Царе Эдипе. Это при том, что редко кто был так мало озабочен собственной «оригинальностью», «непохожестью», пресловутым «страхом влияния». Такого рода заботы кажутся слишком суетными рядом с тем, чем он занят. Дело не в том, что его тексты сообщают знания (еще бы, и знания редкие, обширные и увлекательные!): но они сообщают нечто поважнее — они помогают не умирать заживо, они помогают не сдаваться тому «духу времени», который люди в каждое время считают чем-то совершенно особенным, необсуждаемым, небывалым прежде, но который во все времена одинаково враждебен одному: осуществлению человека.

Аверинцев видел вещи с особой точки зрения: с той, навстречу которой они раскрываются. Другие исследователи берут свои предметы мысли приступом, или заслоняют их собственными «концепциями», или орудуют ими, или говорят об их непроницаемости для нас — Аверинцев показывал нам мир смыслов самостоятельных и при этом готовых к собеседованию, к участию, к вниманию. Такая позиция неистощима и такой поворот речи никогда не перейдет в самоповторы. С такой точки зрения можно смотреть на самые разные вещи, и все они сообщат взгляду нечто новое и нужное. Не только теперь у нас нет ощущения, что Аверинцев уже сказал все, что мог, — мы не смогли бы решить так и если бы он продолжал жить и работать еще десятилетия. Он рано нашел этот ключ понимания вещей — чудесный ключ, не отмычку — который открывает не только умственные, религиозные, художественные сокровища прошлого, но и события современности, еще не нашедшие воплощения. Не менее чудесно то, что он его не потерял — как многие, пережившие раннее прозрение. Аверинцев — не музейный хранитель прошлого: и тогда, когда он пишет, скажем, о Плутархе, — он мыслит о настоящем, из которого открывается и прошлое, и будущее, «и широта, и глубина, и высота». Этот ключ, я думаю, можно назвать Премудростью, которой он посвятил столько чудесных размышлений, — той библейской Премудростью, о которой сказано, что она «дух человеколюбивый», иначе перевода, «дух, дружественный человеку».

Сергей Сергеевич любил строки Мандельштама:

И когда я усну, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг —

и, мне кажется, произносил их как бы от первого лица. Несомненно, он понимал собственную жизнь как служение («служба понимания», его определение филологии) — и несомненно, он был прижизненным другом всех живущих. Мы слышим этот дружественный голос в его письме, в его обращении к читателю — доверяющем и уважительном, который так отличает его от почти всего, что пишется у нас, и не только у нас. Дружеское отношение предполагает отсутствие и высокомерного, и заискивающего отношения к другому, свободу и от страха перед ним — и от желания овладеть им. Это негативное описание дружбы; позитивное же состоит в реальной, глубокой заинтересованности другим. Дружеский голос Аверинцева прозвучал в нелюдом, ожесточенном, забитом и развязном обществе, каким стало наше к 70-м годам: это было неожиданнее, чем любой эпатаж, и в настоящем смысле бескомпромиссное.

&В предисловии к последней изданной им книге («Псалмы Давидовы». Перевод С.С.Аверинцева. — Дух и литера, Киев 2003) Аверинцев говорит о простоте и сложности. «Потом (после простоты Псалмов — О.С.) придут сложные мысли, упорядоченные вероучительные тезисы. ... И благословенна эта сложность.... И неправ был Лев Толстой, когда ему хотелось разрушить сложные системы догматики, и литургии, и дисциплинирующих условностей культуры — ради опрощения. Но ведь когда-то сердце просит простоты: не опрощения и не упрощения — первоначальной простоты». Сложность и простота не относятся как добро и зло, вот что говорит Аверинцев. Есть благо сложности и благо простоты. Сердце *когда-то просит* одного и когда-то — другого. Зло в другом: в дурном упрощении и в дурной запутанности. Дружелюбный дух Премудрости не терпит неразличения. «Различай!» — одно из любимых слов Аверинцева. Этому он нас и учил. Не «реагируй», а «различай». Не бойся сложного, поскольку без него мы можем возвести напраслину и на мир, и на себя самих. Не бойся простоты, поскольку без нее жизнь обрывается. Множество вещей, которые принято считать противоположными (как эти простота и сложность) и которые делят людей на непримиримые партии — новаторов и традиционалистов, космополитов и почвенников, рационалистов и интуитивистов, и т.п. и т.п. — в мысли Аверинцева не противоречат друг друга. Выбор происходит не между ними: между ними происходит плохой, сектантский выбор (Аверинцев любит напоминать, что у дьявола две руки, он может предложить нам противоположные соблазны: а, не хочешь кошмарного хаоса? у меня есть еще и жутковатый «порядок»!). Но еще более неприятно Аверинцеву в таких случаях «беспринципное совмещение» бросающих друг другу вызов вещей. Это цинизм, «а на смену цинизму не приходит уже больше ничего. Ибо в нем выражает себя последнее, окончательное, безнадежное растение» («Псалмы», с.143).

Настоящий выбор «для тебя, читающего, и меня, пишущего» происходит между верностью и предательством. Здесь ничего «сложного» или «амбивалентного» нет. То слово Псалмов, которое традиционно переводится как «правда» или «истина», Аверинцев передает словом «верность»:

ибо до небес — милость Твоя,
до облаков — верность Твоя.

Посильная верность этой Верности — это то, чего он хотел от себя, на что надеялся в своих друзьях-собеседниках, которыми, как уже говорилось, были все живущие.

Ольга Седакова

* Примечание автора: отмечены места, выброшенные в публикации «Новой Газеты». Читатель, мы в России. На этот раз — в либеральной России.

X X X X X

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ С.С.АВЕРИНЦЕВА ОБ
О.Э.МАНДЕЛЬШТАМЕ

Составление и редактирование

(Сост.) Осип Манделъштам. Сочинения в двух томах. Том второй: Проза. Переводы. / Сост. С.С.Аверинцева и П.М.Нерлера. Подгот. текста и комм. П.М.Нерлера и А.Д.Михайлова. — М.: Художественная литература, 1990. — 464 с.

(Ред.— сост.) Жизнь и творчество О.Э.Манделъштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. / Ред.: С.С.Аверинцев, В.М.Акаткин, В.Л.Гордин, О.Г.Ласунский, А.И.Немировский, П.М.Нерлер, Т.А.Никонова, В.А.Свительский, Ю.Л.Фрейдин. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. — 544 с.

Статьи.

Вместо послесловия // Осип Манделъштам. Последние творческие годы. Стихи. Письма. Воспоминания о поэте. // Новый мир. — 1987 — N10.

Ранний Манделъштам. // — Знамя. 1990. — N4. С. 207—212

Судьба и весть Осипа Манделъштама. // Осип Манделъштам. Сочинения в двух томах. Том первый: Стихотворения. М: Художественная литература, 1990. — С.5—64.

На пороге новых дней: Манделъштам и революция. // Голос. 1991. 19—25 янв. — С. 12

Конфессиональные типы христианства у раннего Манделъштама. // Слово и судьба. Осип Манделъштам. М.: Наука, 1991. — С.287—297.

Ответ на анкету журнала «Вестник Русского Христианского Движения». // Вестник Русского Христианского Движения. — 1991. — Т.160. — Вып. III. — С. 187—191.

Пастернак и Манделъштам: опыт сопоставления // «Быть знаменитым некрасиво» // Рос. А. Н. Ин-т мировой лит. М., 1992. — С. 4—9

«Золотистого меда струя из бутылки стекла...». // Столетие Манделъштама. Материалы симпозиума. Тинафли: Эрмитаж, 1994. — С.18—20.

Судьба и весть Осипа Манделъштама. // С.Аверинцев С. Поэты. М.: Языки русской культуры. — 1996. — С.189—273.

Так почему же все-таки Манделъштам? // Новый мир. — 1998. — № 6. — С. 216—220.

Хорей у Манделъштама. // Сохрани мою речь. Вып.3—4. / Записки Манделъштамовского общества. [Том 10]. М.: Изд-во РГГУ, 2000. — С.42—54.

Страх как инициация: одна тематическая константа поэзии Манделъштама. // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию гибели О.Э.Манделъштама (Москва, 28—29 декабря 1998 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2001. — С.17—23.

Фонозаписи.

С.С.Аверинцев читает стихотворения О.Э.Мандельштама «Неутолимые слова...», «Чуть мерцает призрачная сцена...», «Как землю где-нибудь небесный камень будит...». // Осип Мандельштам. Звучащий альманах. М.: Государственный литературный музей, [2003].

В формате .mp3 — [1.6 Мб](#)

В Мандельштамовском обществе

В начале мая с.г. Мандельштамовское общество намеревается провести заседание, посвященное памяти Сергея Сергеевича Аверинцева, а также подготовить сборник работ Аверинцева, посвященных О.Э.Мандельштаму. Обращаемся ко всем членам МО, особенно к тем, кто был дружен или знаком с Сергеем Сергеевичем, с просьбой написать Ваши воспоминания, а также прислать могущие оказаться у Вас материалы о нем (письма, аудиозаписи лекций, инскрипты и т.д.).

[На главную страницу](#)

Продажа [дома в подмосковье](#) | [Забастовка маршруток в Киеве](#) | [химчистка](#)